

А.Б. Криницын

Функция и идейный смысл образа Лебедева в романе «Идиот»

A.B. Krinicyn

The Function and the Ideological Meaning of the Image of Lebedev in “The Idiot”

Об авторе: Александр Борисович Криницын, доктор филологических наук. Доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: derselbe@list.ru

Аннотация: В статье обосновывается, что Лебедев является одним из важнейших персонажей не только в романе «Идиот», но и в контексте всей антропологии Достоевского послекаторжного периода. Выявляется диалектичность, парадоксальность и философская глубина данного образа. Особое внимание обращается на контрастный параллелизм образов Лебедева и Мышкина в идейно-символическом плане романа. На основании сопоставления Лебедева с близкими ему по типу героями «пятикнижия» – шутами, идущими добровольно на унижение, – выявляется один из главных типов Достоевского – тип «героя в низости», противопоставленный «гордому типу». Через выявление генетического родства обоих типов с сюжетом о «великом грешнике» показывается их совместимость и взаимообратимость.

Ключевые слова: романы Ф.М. Достоевского, антропология «пятикнижия», Лебедев, Мышкин, шутство, «гордый тип», «тип героя в низости», образ великого грешника.

Для цитирования: Криницын А.Б. Функция и идейный смысл образа Лебедева в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. 2018. No 3. С. 104-118. DOI: 10.22455/2619-0311-2018-3-104-118

About the author: Alexandr B. Krinicyn, DLitt, Associate Professor of MGU, Associate Professor of the History of Russian Literature Department (Philology Department of MGU).

Abstract: The article proves that Lebedev is one of the most important characters not only in “the Idiot”, but within the context of all Dostoevsky’s anthropology after penal servitude. The character is shown as extremely controversial, paradoxical and deep. Particular attention is given to contrasting parallelism of Myshkin and Lebedev in symbolic and ideological structure of the novel. Comparing Lebedev with other typologically similar characters of “the Pentateuch” – various jesters and clowns, who voluntarily choose humiliation – the author identifies one of the main Dostoevsky’s types – a character “in humiliation” as opposed to the “proud type”. Both types are genetically connected with the “Great sinner’s” plot and thus turn out to be perfectly compatible and mutually reversible.

Key words: Dostoevsky’s novels, “the Pentateuch” anthropology, Lebedev, Myshkin, “the proud type”, a character “in humiliation”, the “Great sinner’s” type.

Традиционно Лебедев воспринимается читателями как персонаж второстепенный и проходящий. Во-первых, в силу своей ярко выраженной комичности (а в «романе-трагедии» фарсовые персонажи всегда остаются проходящими фигурами, действующими в интермедии), во-вторых, вследствие того что, несмотря на всю свою внешнюю активность и бесконечные интриги, Лебедев в конечном счете никак не влияет ни на ход событий в романе, ни на взаимоотношения Мышкина, Рогожина, Аглаи и Настасьи Филипповны, которые рассматривают его только как помощника и посредника.

При этом несомненно, что он – один из главных персонажей «Идиота». Знаковым моментом является и факт его присутствия при знакомстве Мышкина и Рогожина – в самой первой сцене романа. Откровенно ёрничающий над Мышкиным, он дает князю возможность показать свою неуязвимость к насмешкам. С другой стороны, благодаря своему «всеведению», Лебедев удачно дополняет подробностями рассказ Рогожина о Настасье Филипповне, переводя судьбоносную встречу в соблазнительно-циническую атмосферу петербургского «полусвета». Таким образом, уже в вагоне Мышкина встречает в его лице сам Петербург, живущий скандалами и сплетнями, презирающий бедность, смеющийся над любыми чувствами и идеалами. И с самого начала Лебедев выявляет свою самую характерную черту: способность и чуть ли не потребность **бесконечно унижаться**.

«– Ну чего ему, скажите, пожалуйста! – раздражительно и злобно кивнул на него опять Рогожин, – ведь я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи.

– И буду, и буду ходить.

– Вишь! Да ведь не дам, не дам, хошь целую неделю пляши!

– И не давай! Так мне и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, детей малых брошу, а пред тобой буду плясать. Польсти, польсти!» [Достоевский 1972–1990: VIII, 10].

И в дальнейшем Лебедев не знает границ в своем самоуничижении. Вплоть до того что «из самоумаления» перед князем он перевирает свое имя и отчество (называясь Тимофеем Лукьяновичем вместо Лукьяна Тимофеевича),

Еще в первой сцене он с готовностью соглашается, чтобы Рогожин его высек («Секи! Высек, и тем самым запечатлел... » [Достоевский 1972–1990: VIII, 13], а в 4-й части он спешит рассказать князю, как «почти» получил от генеральши пощечину: («И получил пощечину... нравственную. Воротила письмо назад, даже шваркнула, не распе-

чатанное... а меня прогнала в три шеи... впрочем, только нравственно <...> а впрочем, почти что и физически, немного недостало! [Достоевский 1972–1990: VIII, 438], «...чуть не прибила-с; то есть чуть-чуть-с, так что даже, можно считать, почти что и прибила-с» [Достоевский 1972–1990: VIII, 439]. Но бывал он бит и по-настоящему, Рогожин даже спускал на него собак («– Избил, избил! – подхватил с ужаснейшим жаром Лебедев, – и собакой в Москве травил, по всей улице, борзою сукой. Ужастенная сука» [Достоевский 1972–1990: VIII, 166]. Он живет скандалами – во время разыгрывания очередного скандала его лицо изображает «последнюю степень восторга» [Достоевский 1972–1990: VIII, 237]. Не потому ли он даже не протестует, а с готовностью рассказывает о том, как его бьют, оскорбляют, «травят сукой»? «**Низок-с, низок-с!**»¹ – постоянно повторяет он не без удовольствия про себя. Эти слова (а также его знаменитое «тихими стопами-с!» [Достоевский 1972–1990: VIII, 409]) определяют образ². В силу той же низости, когда он совершает очередное предательство, он готов ползать на коленях, рассматривая унижение как своего рода платежное средство³.

Можно было подумать по первой части, что перед нами «маленький человек», доведенный до крайности нуждой. Но во второй части выясняется, что у Лебедева есть значительный капиталец: помимо службы, он занимается ростовщичеством⁴; он хранит свои сбережения в специальном несгораемом шкафу (точнее в двух – в Петербурге и на даче); у него собственный дом в Петербурге; наконец, он покупает роскошную дачу – особняк в Павловске (модном месте отдыха петербургского света – сам Достоевский не мог позволить себе столь дорогого жилья), где есть место для его семьи, гостей (как его собственных, так и князя) и шикарно обставленные помещения для сдачи внаем богачам (терраса с померанцами).

¹ Здесь и далее при цитировании выделения жирным шрифтом принадлежат мне (А.К.), выделения курсивом – автору цитируемого текста.

² Ср. в подготовительных материалах: «Лебедев патетически: «Много, много переживший и перестрадавший человек... вот тут, тут оно всё (на сердце показывает), но... низкий, низкий человек, тем и сгубил себя, что очень уж низкий человек» [Достоевский 1972–1990: IX, 253].

³ В том же духе рассуждает его племянник, просящий у дяди деньги после проигрыша: «Ведь совесть у меня чиста; по совести, я убытку ему не принесу, я с процентами возвращу. Нравственное он тоже удовлетворение получил: он видел мое унижение. Чего же ему более?» [Достоевский 1972–1990: VIII, 163].

⁴ «– Кстати, Лукьян Тимофеич, правда, что вы в газетах публиковались, что даете деньги под золотые и серебряные вещи? – Чрез поверенного; собственного имени моего не означено, ниже адреса. Имея ничтожный капитал и в видах приращения фамилии, согласитесь сами, что честный процент...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 368].

Однако когда в его петербургский дом заходит Мышкин, Лебедев утрированно разыгрывает бедняка – надевает специально дырявый сюртук, когда за дверь висит новехонький. Все время говорит о своей нищете («Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей» [Достоевский 1972–1990: VIII, 168]; «Си-сироты, – начал было, покоробившись, Лебедев» [Достоевский 1972–1990: VIII, 166]), хотя в этом нет ни малейшего смысла, равно как и в перевираии собственного имени.

Чему же служат тогда эти нескончаемые унижения? Совершаются ли они ради корыстного расчета или ради слепого преклонения перед деньгами? Или ради унижения как такового?

Последнее мы знаем как самый изощренный, «подпольный» изгиб психологии у героев Достоевского, который впервые был сформулирован героем «Записок из подполья»: «Наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения <...> Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик, но, право, бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад» [Достоевский 1972–1990: V, 102]. Развивает ту же мысль и Ставрогин в главе «У Тихона»: «Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое и, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение» [Достоевский 1972–1990: XI, 14]. Постановка Лебедева в один ряд с данными персонажами делает его выразителем важнейших черт антропологии Достоевского, которая выстраивается на оксюморонной парадоксальности.

На этом противоречия в натуре Лебедева не кончаются, более того – они все умножаются по ходу романа. Так, в первой части Лукьян кутит и безобразничает вместе со «свитой» Рогожина – однако впоследствии являет собой чрезмерную, даже назойливую вежливость в отношениях с князем и Епанчиными, ходит и действует исключительно «тихими стопами».

Столь же рьяно он подчеркивает в речи свою набожность – что не мешает ему помочь Келлеру и своему племяннику-нигилисту написать либеральную сатиру на Мышкина. (Тогда же выясняется, что своего племянника он нежно любит его и гордится им, несмотря на то что ругается с ним беспрерывно).

Он всегда движим меркантильным расчетом и в то же время не практичен, ибо эмоционален и чувствителен, о чем прямо говорится автором: «...расчеты этого человека всегда зарождались как бы по вдохновению и от излишнего жару усложнялись, разветвлялись и удалялись

от первоначального пункта во все стороны; вот почему ему мало что и удалось в его жизни» [Достоевский 1972–1990: VIII, 487].

Он может быть безжалостным – когда он, выступая в роли адвоката, защищает на суде не нищую старуху, а надувшего ее ростовщика. Это видимо не согласуется с тем, что он молится по ночам за казненную графиню Дюбарри, бесконечно жалея ее за последнюю просьбу «минуточки» на плахе.

Отметим отдельно, что и адвокат, и ростовщик – наиболее нелюбимые и осуждаемые Достоевским профессии. Если выгода ростовщика прямо противоположна христианской любви и благородству («Кроткая», «Преступление и наказание»), то адвоката, за деньги обеляющего порок, в народе называют «нанятой совестью» (Фетюкович в «Братьях Карамазовых»). Лебедев парадоксальным образом ухитряется совмещать оба эти рода деятельности.

В другом месте романа он выступает толкователем Апокалипсиса, выражая, хоть и в комической форме, заветные идеи самого писателя (об иссякновении в современном веке «источников жизни»). При этом сам признает себя подлейшим из всех и не исключает своего прямого участия в грядущем Апокалипсисе: «...оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения, – впрочем, так же точно, как и всякий из нас, говоря по справедливости, как и я, гнуснейший из всех, ибо я-то, может быть, первый и дров принесу, а сам прочь убегу» [Достоевский 1972–1990: VIII, 312].

Т.А. Касаткина считает его адвокатом дьявола, «профессором антихриста» [Касаткина 1999]. Г.И. Ермилова – богобоязненным праведником, «почитающим кровного и Небесного Отца» [Ермилова 1998: 59], С. Пискунова – «трикстером» и «истинным организатором интриги второй-четвертой частей» [Пискунова 2013: 149]. Остается добавить, что и сам герой прекрасно осознает и даже декларирует свою «амбивалентность»: «Ну, вот вам, одному только вам, объявлю истину <...> и слова, и дело, и ложь, и правда – все у меня вместе и совершенно искренно. Правда и дело состоят у меня в истинном раскаянии, верьте не верьте, вот поклянусь, а слова и ложь состоят в адской (и всегда присутней) мысли, как бы и тут уловить человека, как бы и чрез слезы раскаяния выиграть!» [Достоевский 1972–1991: VIII, 259].

Очевидно, что Достоевский пытается придать образу героя некую психологическую сверхзначимость, максимальные остроту и глубину, о чем свидетельствует запись в подготовительных материалах к роману:

«Лебедев – гениальная фигура. И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним. Надувши, наивно и искренно стыдится Князя. Сходится с Иволгиным. Пьют вместе. Генерал вольнодумствует. Лебедев о вере и Апокалипсисе. **Глубокие замечания Лебедева**» [Достоевский 1972–1990: IX, 252–253].

И действительно, из споров на страницах «Идиота» выясняется, что Лебедев интересуется историей, изучал Карамзина, знаком с перипетиями французской революции. Он цитирует Пушкина, ссылается на Шекспира, наслышан о полемике Герцена с Печериным. Лебедев интересуется культурно-философскими вопросами «искренне и страстно. Шут и мошенник в житейской повседневности, он глубже и истинней проникает в философскую суть вещей, чем систематически образованный, знающий языки, бывавший за границей великосветский Евгений Павлович Радомский» (второй авторский резонер в «Идиоте» – только в общественно-политических вопросах) [Кирпотин 1980: 81].

Если характеризовать его роль в сюжете, то он последовательно служит Рогожину, Князю, Епанчиным, Настасье Филипповне, всякий раз предавая очередного «патрона» в пользу следующего. Причем все это делается бескорыстно, ради того только чтобы управлять происходящим. Так, он анонимно информировал Лизавету Прокофьевну о всех «действиях и планах» Настасьи Филипповны, касавшихся Аглаи и Мышкина. Князь все время вынужден его опасаться, хотя все угрозы, исходящие от Лебедева, одна за другой снимаются.

По своей страсти и склонности к интриге Лебедев сопоставим с Петром Верховенским, «серым кардиналом» интриги в «Бесах». Однако все его интриги оборачиваются ничем, не приносят никакого результата ни лично для него, ни для тех, чье расположение он ищет.

Получается, что он совмещает в себе функции множества разнообразных второстепенных героев, в зависимости от сюжетной интенции конкретной главы.

В идейной структуре романа Лебедев представляет собой одну из бинарных смысловых оппозиций Мышкину, наравне с Рогожиным и Ипполитом. Но если в случае с Рогожиным и Ипполитом речь идет о двойничестве (в том или ином его понимании), то бинарная оппозиция Мышкин – Лебедев строится по принципу контрастного параллелизма.

Первая – не сразу заметная, но важная параллель Лебедева с Мышкиным – оба они наделены «комическим» по форме идейным монологом, начинающимся с абсурдного на первый взгляд утверждения, которое служит, однако, поводом для изложения идеологической программы

самого Достоевского. В случае Мышкина это выступление на званом вечере у Епанчиных о гибельности католицизма и о рае на земле, заканчивающееся припадком, в случае Лебедева – толкование Апокалипсиса (Лебедев толкует как те места Откровения, которые были отмечены в Новом Завете самим Достоевским), заканчивающееся предложением выпить и закусить. В обоих случаях речь осмеивается окружающими.

Объединен Лебедев с Мышкиным и развитием темы смертной казни. Если Мышкин в первый свой приход к Епанчиным, рассказывает целых три истории о казни, то Лебедев, как рассказывает о нем племянник, каждый вечер молится о спасении души обезглавленной графини Дюбарри.

Более того, ёрничая перед Иволгиным, Лебедев представляет себя казненным Иоанном Крестителем:

«Я засмеялся и говорю: "Слушай, говорю, генерал, если бы кто другой мне это сказал про тебя, то я бы тут же собственными руками мою голову снял, положил бы ее на большое блюдо и сам бы поднес ее на блюде всем сомневающимся: "Вот, дескать, видите эту голову, так вот эту собственную своюю головой я за него поручусь, и не только голову, но даже в огонь". Вот как я, говорю, за тебя ручаться готов!» [Достоевский 1972–1990: VIII, 373].

Таким образом, если образ Мышкина символически соотнесен в романе с картиной Г. Гольбейна «Христос в гробу», то Лебедев ассоциируется (пусть и комически) с казненным Иоанном Крестителем. Параллелизм столь значимых символов не может быть случаен.

Помимо князя, только Лебедеву задается ключевой для всего романа вопрос, верует ли он в Бога. И если сам Мышкин уклоняется от прямого ответа⁵, то Лебедев отвечает прямо:

– Вы сами так веруете? – спросил князь, странным взглядом оглянув Лебедева.

– Верую и толкую. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. [Достоевский 1972–1990: VIII, 168] ⁶.

⁵ Когда Мышкина спрашивает Рогожин: «– А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет?» [Достоевский 1972–1990: VIII, 182] – князь сначала удивляется вопросу, а потом рассказывает о своих четырех встречах с народом, но так и не отвечает однозначно о своей собственной вере.

⁶ Отметим также, что выражение «нищ и наг» является видоизмененной цитатой из Откровения Иоанна Богослова: «ты говоришь: "я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды"; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» [Откр. 3: 17].

Интересно, что по первоначальным планам Достоевского, именно Лебедев должен был вопрошать князя о вере⁷, что дополнительно доказывает их объединенность религиозной проблематикой в сознании писателя.

Принципиальная значимость образа Лебедева для Достоевского выступает еще отчетливее, если мы рассмотрим его из перспективы всего творчества писателя. Дело в том, что он многими чертами и сюжетными положениями пересекается с определенным (и достаточно многочисленным) рядом героев из других произведений:

Мармеладов – так же наделен многочисленным семейством, пьяница, любит ораторствовать, исповедаться, рассуждать о божественных материях, поднимая тему греховности и прощения.

Липутин – такой же всезнающий интриган, чей образ построен на контрасте высоких и низких тем (при житейской пошлости, Лебедев толкует Апокалипсис, Липутин – мечтает о «всемирно-общечеловеческой социальной республике и гармонии»).

Снегирев – так же обременен семейством, переживает смерть близких (у Лебедева умирает жена, у Снегирева – сын Ильюша), терпит бесконечные унижения, так же стремительно переходит из одного эмоционального состояния в другое (от умиленности к иронии, от рыданий к бессильному гневу). Признается, что «задавлен пороками», очевидно, имея в виду пьянство.

Ежевикин – так же интриган, имеет красавицу дочь и еще семь малых детей, пресмыкается и безбожно льстит хозяевам и гостям Степанчиково.

Трусоцкий – у него так же умерла жена, и он, как и Лебедев, ходит в трауре по ней. Достаточно деланно он унижается перед своим обидчиком Вельчаниновым. Временами сильно запивает. Вместо супружеской ревности Трусоцкого у Лебедева показана мания преследования дочери: «...он вот этого ангела, вот эту девушку, теперь сироту, <...> свою дочь, подозревает, у ней каждую ночь милых друзей ищет! Ко мне сюда потихоньку приходит, под диваном у меня тоже разыскивает» [Достоевский 1972–1990: VIII, 163]. При этом оба героя спекулируют личным горем, пытаясь разжалобить всех рассказом о смерти жены.

⁷ «Лебедев вдруг спрашивает: «Князь, как вы думаете, а есть ли Бог?» – Так легко спрашиваете? Если б вы знали, как я этим мучаюсь, но всё откладываю решение, дела мешают, а на всякий случай молюсь. – Ну, а без случая не молились бы?» [Достоевский 1972–1990: IX, 224]. Как мы видим, ответ князя с самого начала замыслился отрицательным.

Помещик **Максимов** – так же, с удовольствием, как и Лебедев, рассказывает, как его высекли и как над ним издевалась жена. Разыгрывает роль образованного приживала. Характерно, что избивают его за его образованность.

Похожими, но несколько более отдаленными от вышеперечисленного ряда персонажами являются **Лебядкин** и **Федор Павлович Карамазов** (в прошлом приживал и шут, с радостью узнающий в Максимове свое alter ego).

В самом «Идиоте» нам встречается подобие Лебедева – **Келлер**, так же совмещающий искреннюю привязанность к князю с желанием его надуть.

Таким образом, в послекаторжном творчестве Достоевского складывается своеобразный **инвариант** (сохраняющееся ядро повторяющихся черт при наличии нескольких переменных) «**героя в низости**» – деланно, демонстративно унижающегося перед окружающими. Видно, что этот тип неотступно преследовал Достоевского. Подобный герой не обязательно беден, но всегда страдает от своей неполноценности. Однако из всех «низких героев» Лебедев – **самый немотивированный**: низость остальных мотивирована либо семейным позором, либо нищетой.

Низость для Достоевского – многозначное понятие. Это может быть и социальная ущемленность, и личная униженность, и подлость. Не будем забывать, что, несмотря на сентиментальное сочувствие, возбуждаемое у читателя по отношению к этим героям, он мало что «задавлен пороками» (пьянством), но зачастую еще совершает низкие или позорные дела, вплоть до косвенной виновности в смерти близких: Лебедев пытается посадить князя в сумасшедший дом; Липутин принимает участие в убийстве Шатова; Снегирев обделывает грязные денежные дела Грушеньки и Федора Павловича, а когда его за это избивает Дмитрий, то вид унижения отца настолько ранит Ильюшу, что потрясение фактически становится причиной его гибели. Мармеладов пропивает пуховой платок жены, после чего у нее фатально обостряется чахотка; Трусоцкий сводит со свету любимую дочь Лизу, надрывая ей душу издевательскими. (Лишь Ежевикин и Максимов не замараны никакой подлостью⁸).

⁸ Село Степанчиково было написано Достоевским сразу после выхода с каторги, когда данный тип «героя в низости» еще не сложился у писателя окончательно. Что касается Максимова, то он действительно представлен скорее симпатично, хотя все-таки заходит речь (бездоказательная) и о его «подлости»: «...если он и лжет, - а он часто лжет, - то он лжет единственно, чтобы доставить всем удовольствие: это ведь не подло, не подло? Зна-

Очень часто «герой в низости» переоценивается несколько раз в читательском восприятии по ходу романа, потому что в начале автор выставляет на вид их отталкивающие качества и недостойные поступки, а при дальнейшем разворачивании образа все больше вводит сентиментальные мотивы, бьющие на жалость. Так, как правило выясняется, что герой наделен многочисленным, «обременяющим» его семейством, которое ему трудно содержать и которое, со своей стороны, стыдится его за шутовское поведение. Привязанность к семейству – та область, где «герой в низости» остается человечным, ранимым и уязвимым, чем всегда заслуживает читательское расположение. С другой стороны, это зачастую не мешает целому ряду подобных героев тиранить или разорять своих домашних, не переставая нежно их любить (Трусоцкий, Мармеладов).

Таким образом данный тип соединяет высокое с низким, ибо социально-бытовая проблематика натуральной школы возвышается на его примере до масштабов всечеловеческой трагедии. Этот сквозной для Достоевского герой, «вечный тип» являет собой выразительный пример крайней противоречивости человеческой природы как таковой, демонстрируя ее «слабосильность» и, следовательно, «низость».

Сравнение Кирпотиным Лебедева с племянником Рамо вполне справедливо (оба добровольные шуты, наделенные «трагическим знанием» мира, но корыстные и играющие на пороках окружающих), но исследователь, подчеркнув диалектичность и глубину обоих образов [Кирпотин 1980: 85-86], не делает окончательного вывода о том, что, равно как и Дидро в образе племянника Рамо, Достоевский мыслит представить в Лебедеве собирательный образ всего человечества⁹.

Свое происхождение «низкий тип» берет не только от «маленького человека» Гоголя, но отчасти и от «смирного» типа по классификации А. Григорьева, о чем недвусмысленно свидетельствует разговор Вельчанинова с Трусоцким в повести «Вечный муж»: Вельчанинов пытается объяснить Трусоцкому, почему тот – не «хищный тип» [Достоевский 1972–1990: IX, 55], а тот с интересом прислушивается к «умным словам», с тем чтобы вскоре внести значительные коррективы в данное «определение». «Смирный» и «хищный» типы по А.Григорьеву

ете, я люблю его иногда. Он очень подл, но он натурально подл, а? <...> Другой подличает из-за чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а он просто, он от природы...» [Достоевский 1972–1990: XIV, 381]. Почти теми же словами в «Идиоте» характеризуется Лебедев.

⁹ Вспомним в повести Д.Дидро многозначительное завершение беседы племянника Рамо с повествователем: «Не правда ли, я все тот же?» – «К несчастью, да».

трансформируются у Достоевского в «**гордого**» и «**низкого**» героя, которые являют собой две крайности падшего состояния, и в каждом из романов «пятикнижия» играют обоюдно важную роль. При этом, если «хищный» тип Григорьева и «гордый» Достоевского состоят в прямом родстве, то «низкий» тип представляет собой принципиально новое образование, специфическое для творчества Достоевского.

Не случайно два первых романа «пятикнижия» – «Преступление и наказание» и «Идиот» – открываются встречей главного героя с «низким» типом (в случае «Преступления и наказания» это Раскольников и Мармеладов, поскольку главный герой и есть «гордый», в случае «Идиота» главный герой – Мышкин – скорее может быть обозначен именно как «смирный» согласно А.Григорьеву, а «хищный» в той же сцене представлен Рогожиным).

Что касается «Бесов», то первоначально в его сюжетной основе лежал замысел о капитане Картузове, типичном «низком» герое, который влюблялся в богатую Красавицу и оказывался комическим соперником блестящему Князю (эти герои впоследствии трансформировались в капитана Лебядкина, Ставрогина и Лизу Тушину). Таким образом, роман о самом «гордом» герое всего «пятикнижия» («человекобоге» Ставрогине) первоначально также замышлялся с «низким» типом в качестве центральной фигуры.

«Гордый» тип, к которому принадлежат Ставрогин, Раскольников, Иван Карамазов, Кириллов и, с оговорками, Версиков (то есть главные или по меньшей мере ведущие герои «пятикнижия») характеризуется бунтом против Бога и противопоставлением себя всему остальному человечеству, при предельном развитии своих идей – стремлением стать «человекобогом», что неудержимо влечет его к преступлению как единственно возможному самоутверждению в данной роли.

«Низкий» тип, какими бы ни были причины его добровольного унижения, перестает стыдиться себя и перестает дорожить покаянием и пускается во все тяжкие, позволяя себе слабость и низость, опять-таки вплоть до преступления.

Итог пути развития обоих типов одинаков – аморальность, разрушение границы между добром и злом (разумеется, далеко не все герои обоих типов проходят его до конца). Сближаются оба типа и в утверждении для себя «права на бесчестье» – одного из самых губительных, по мнению писателя, соблазнов для русской природы. Недаром говорит Кармазинов в «Бесах»:

«...вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. <...> Нет, в Европе еще этого не поймут, а у нас именно на

это-то и набросятся. Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым "правом на бесчестье" его скорей всего увлечь можно» [Достоевский 1972–1990: X, 288]

«Право на бесчестье» одинаково покушается как **«высотой»** сверхчеловека, ставящего себя над общечеловеческой моралью, так и **«низостью»** того, кто считает, что ему больше нечего терять в своем позорнейшем падении. Обе эти крайности в конце концов совмещаются в понятии безмерной **«широты»** человеческой природы, декларируемой в последнем романе «пятикнижия» – «Братьях Карамазовых» («не подлец, а я широк» [Достоевский. Т. 14. С. 125]). В обоих случаях для Достоевского это наиболее губительные состояния человеческого духа, препятствующие для достижения райского единения. И эти «бездны» вполне совместимы: по приговору Великого инквизитора, люди по своей природе одновременно и **«слабосильные»**, и **«бунтовщики»**.

Чтобы до конца понять образ Лебедева, следует обратить пристальное внимание на анекдот о средневековом людоеде, приводимый им в качестве иллюстрации своего толкования Апокалипсиса. Отметим, что комические или даже нелепо абсурдные анекдоты героев «пятикнижия» всегда содержат серьезную философскую нагрузку, где в иронической, аллегорической иронической форме изложения обыгрывается и подчеркивается парадоксальность и острота содержания. Помимо данного примера, вспомним юношескую поэму Степана Верховенского, басню «Таракан» Лебядкина, анекдот об атеисте, пошедшим на том свете в рай за квадриллион километров и т.д.

И в случае анекдота Лебедева нам сразу дается понять о принципиальной важности заключенного в ней смысла: «...анекдот мой голая истина. От себя же замечу, что всякая почти действительность, хотя и имеет непреложные законы свои, но почти всегда невероятна и неправдоподобна. И чем даже действительнее, тем иногда и неправдоподобнее» [Достоевский 1972–1990: VIII, 313]. И только после столь многозначительного вступления рассказывается о «тунеядце», который под конец жизни «объявил сам собою и без всякого принуждения, что он в продолжение долгой и скудной жизни своей умертвил и съел лично и в глубочайшем секрете шестьдесят монахов и несколько светских младенцев, – штук шесть, но не более, то есть необыкновенно мало сравнительно с количеством съеденного им духовенства» [Достоевский 1972–1990: VIII, 312]. Повествование обильно уснащается шутками (о том, как жирны были монахи, а младенцами не наешься, да к тому

же они наверно сладковатые). Тут же Лебедев проводит психологический анализ, защищая людоеда, как адвокат клиента, объясняя, почему именно съедено было именно шесть младенцев – якобы потому, что людоед несколько раз раскаивался и хотел перейти со священной на светскую пищу.

Если же лишить эту историю комической окраски и поставить этот «анекдот» в контекст «пятикнижия» Достоевского, то его герой – это «**великий грешник**» XII столетия: совершивший по отношению к детям преступления еще более чудовищные, чем помыслил бы Ставрогин или вычитал бы собирающий «анекдоты о детях» Иван. Это обусловлено «жестокостью нравов» и «накалом страстей» столь любимого Иваном средневековья: если в новое время размышляют о фатальности слезинки одного замученного ребенка, то в темные времена детей убивают и едят. С религиозной точки зрения средневековый преступник усугубляет свою вину еще и святотатством, поскольку убивал и поедал духовенство, что позволяет соотнести его грех с желанием русских парней совершить самое «дерзостное» деяние в главе «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г. [Достоевский 1972–1990: XX1, 31-41].

Рассказывается же вся история ради того, чтобы изумиться ее окончанию, согласно которому людоед публично раскаялся в своем преступлении: «Спрашивается, какие муки ожидали его по тогдашнему времени, какие колеса, костры и огни? Кто же толкал его идти доносить на себя? <...> Стало быть, было же нечто сильнее костров и огней и даже двадцатилетней привычки! Стало быть, была же мысль сильнейшая всех несчастий, неурожаев, истязаний, чумы, проказы и всего того ада, которого бы и не вынесло то человечество без той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли!» [Достоевский 1972–1990: VIII, 315].

Знаменательно, что если средневековый злодей пошел на страшную муку, то Ставрогин, «великий грешник» XIX столетия, так и не смог покаяться, выявив тем самым мнимость своей духовной силы. Примером истинной духовной силы для Достоевского, с его пристрастием к крайностям и к шекспировскому масштабу переживаний, все время оставались Средние века (ср. слова Порфирия Раскольникову: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль Бога найдет» [Достоевский 1972–1990: VI, 351]).

Рассказанный анекдот Лебедев явно экстраполирует на себя, тем более что он, сам со свойственной ему гротескностью вполне имманентен

культуре Средних веков («клиент мой – человек религиозный и совестливый, что я докажу» [Достоевский 1972–1990: VIII, 314]; «Я снисхожу в сердце преступника» [Достоевский 1972–1990: VIII, 315]; «я рассудил бы и иначе» [Достоевский 1972–1990: VIII, 315]; «младенец, по моему личному мнению, непитателен, может быть, даже слишком сладок и приторен, так что, не удовлетворяя потребности, оставляет одни угрызения совести» [Достоевский 1972–1990: VIII, 315]; «Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; всё размягчилось, всё упрело и все упрели! Все, все, все мы упрели!..» [Достоевский 1972–1990: VIII, 315]. Т. 8. С. 315).

Достоевский проводит, таким образом, свою любимую мысль: сила раскаяния соизмерима с силой преступления, в то время как великий грех может сподвигнуть к великому подвигу. В таком случае, сам Лебедев видит себя «упревшим», окарикатуренным и умаленным до шута «великим грешником»! Который мало того что смог раскаяться, но раскаивается ежеминутно и сделал из этого ремесло – то есть лишил себя истинного раскаяния. Если мы вспомним, как он плачет о казненной графине Дюбарри, то станет ясно, что он ассоциирует себя в разных случаях и с жертвой и с палачом.

Итак, в глубине «человека в низости» живут Великий грешник и Великий инквизитор. Равно как справедливо и обратное: гордецы и идеологи могут быть представлены униженными и смешными. Достоевский приходит к взаимообратимости двух своих

Низость и гордость – два зеркально отраженных, взаимообусловленных падших состояния человечества, из которых необходимо подняться для восстановления духовной силы России. (отсюда призыв в Пушкинской речи: «Смирись, гордый человек!»). Пусть люди по своей порочной природе – «слабосильные бунтовщики». Но это не значит что им нет прощения и что они не могут спастись. Не будем забывать о том, что Лебедев на страницах романа пребывает гораздо тверже Мышкина в своей вере.

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Полное академическое собр.соч. в 30-ти тт. Л.: «Наука», 1972–1990.
2. *Ермилова Г.* Восстановление падшего слова, или о филологичности романа «Идиот» // Достоевский и мировая культура. 1998. № 12. С. 54–80.
3. *Касаткина Т.А.* Лебедев – хозяин князя // Достоевский и мировая культура. 1999. № 13. С. 57–61.
4. *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского. М.: Советский писатель, 1980. 374 с.
5. *Пискунова С.И.* От Пушкина до «Пушкинского дома»: очерки исторической поэтики русского романа. М.: Языки славянской культуры, 2013. 272 с.

References

1. *Dostoevskij F.M.* Polnoe akademicheskoe sobr.soch. v 30-ti tt. [*Complete Works in 30 vols.* (In Russ.)]. Leningrad, «Nauka», 1972–1990.
2. *Ermilova G.* Vosstanovlenie padshego slova, ili o filologichnosti romana «Idiot» // Dostoevskij i mirovaya kul'tura [*Recovery of the Fallen Word, or About the Philology of "The Idiot". Dostoyevsky and the World Culture* (In Russ.)]. 1998. № 12. Pp. 54-80.
3. *Kasatkina T.A.* Lebedev – hozyain knyazya // Dostoevskij i mirovaya kul'tura [*Lebedev as the Master of the Prince. Dostoyevsky and the World Culture* (In Russ.)]. 1999. № 13. Pp. 57-61.
4. *Kirpotin V.Ya.* Mir Dostoevskogo [*The World of Dostoyevsky* (In Russ.)]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1980. 374 p.
5. *Piskunova S.I.* Ot Pushkina do «Pushkinskogo doma»: ocherki istoricheskoy poehtiki russkogo romana [*From Pushkin to "Pushkin House": Essays of the Historical Poetics of the Russian Novel* (In Russ.)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 272 p.